

ГЕНИЙ ТАНЦА

Надежда Репина: Махмуд, квартира в Москве — единственное, что у вас осталось?

Махмуд Эсамбаев: Я был очень богатым человеком. Советское правительство ценило и хорошо оплачивало мой труд, а все заработанные деньги я вкладывал в произведения искусства. Я — чеченец, родился в ауле, но выстроил в Грозном дом-дворец, который все называли вторым Эрмитажем. Вот он и сгорел. Погибли шедевры мирового искусства, уникальная коллекция картин, расплавились бронзовые скульптуры, царская посуда из чистого серебра, состоящая из 360-ти предметов. Сгорели картины Рафаэля и Пикассо, Матисса и Айвазовского. Погибла уникальная библиотека, где была книга жизни Христа, с двумя замками, оформленная Врубелем, погибли дневники Екатерины Второй, книга писем наших царей, весившая 12 килограммов. Я покупал все уникальное, дорогое, денег у меня всегда было много. Бриллиантов было много. В одном только костюме для танца было 1227 камней, трехкартанных голубых бриллиантов. Этот костюм подарил мне Джавахарлал Неру. В другом костюме было 5000 жемчугов. Он тоже сгорел. Остались только стены. Война есть война. Я встречался с правительством и президентом и сказал Ельцину: «Борис Николаевич, пожалуйста маленький народ. Поговорите с нашим президентом Дудаевым, какой бы он ни был, — он наш президент».

Н.Р.: Эта война может обернуться судьбой чеченского народа?

М.Э.: Все может быть, потому что убивают невинных людей. А человек есть человек. Но исподтишка ничего делаться не будет. Чеченцы — гордый народ Кавказа. Ермолов напал на Чечню и 47 лет не мог нас победить. Сейчас будет то же самое. Российские руководители не могут понять уроки истории.

Н.Р.: Вы кого-нибудь боитесь?

М.Э.: Что значит — боитесь?

Н.Р.: Стреляют...

М.Э.: Я плавать хотел на их стрельбу, я 70 лет прожил и четырнадцать из них в ссылке. И даже в ссылке не страдал. Если бы я попал в тюрьму, я и тюрьмы бы не заметил. Меня всегда любили люди, потому что я делал им только добро. Когда нас, сосланных, высадили на маленькой станции в восточном Казахстане, я был весь оборван, а стоял февраль — страшная пурга и снег выше меня. Я не знал, куда податься, и вспомнил песню — «как в степи глухой умирал ямщик». Но и там не пропал.

Н.Р.: В прошлом году вам исполнилось семьдесят лет, и чеченское правительство подарило вам «мерседес». Он тоже сгорел?

7 января умер знаменитый артист Махмуд Эсамбаев. Великий танцовщик, он снялся во многих фильмах. Его знал весь мир. Он был президентом Международного союза деятелей эстрады, Героем соцтруда, народным артистом восьми республик, в течение тридцати пяти лет — депутатом Верховного Совета СССР и России. Вся жизнь он собирал уникальные произведения искусства. Но во время военных действий в Грозном сгорел его дворец-музей со всей коллекцией. Это интервью Эсамбаева, взятое в 1995 году для американской газеты «Панорама», никогда не публиковалось в России.

РОДИЛСЯ, ЧТОБЫ ТАНЦЕВАТЬ

М.Э.: Конечно. А что касается возраста, то чеченец в моих годах никогда точно не знает, когда он родился. Мама сказала, что я родился, когда кукурузу сажали, но кукурузу тысячи лет сажают. Когда определяли мой возраст, чтобы дать метрику, мне сказали: «Покажи зубы». Вот так я и узнал, сколько мне лет.

Н.Р.: Вы из долгожителей?

М.Э.: Мой отец прожил 106 лет и 11 раз был женат. Первая жена у него была чеченка, моя мать, вторая — еврейка, третья — цыганка, остальные — русские. Когда ему было 96 лет, его жене было 27, а мне — 28. Я ее спросил: «Идиотка, зачем ты за него замуж вышла?» А она ответила: «Лучше него мужчины нет».

Н.Р.: Его любили женщины?

М.Э.: Очень.

Н.Р.: А вас?

М.Э.: Меня тоже любят, но я не такой супермен, как он.

Н.Р.: Расскажите о вашем детстве.

М.Э.: С раннего детства я танцую и до сих пор. Я родился, чтобы танцевать. Больше ничего не умею. На правой ноге делал поворот, а левой ударял о голову. Так я начинал, и все говорили, что это чудо. Меня приглашали на все свадьбы в Чечне в горах. Я был свадебным генералом. Считалось, что свадьба богатая, если меня приглашали на нее. У нас в горах не было электричества, и когда я однажды увидел внизу освещенную местность, то спросил у мамы: «А разве звезды бывают не только на небе, но и на земле?» Мама ответила: «Это не звезды, это лампочки горят — «чик», и зажались. Это город Грозный». А потом у нас в селе поставили столб, к столбу прибили ведро и объявили, что оно скоро заговорит. Но мама сказала: «Аллах не позволит, чтобы ведро заговорило». Люди весь день ходили к ведру, сидели и ждали, когда оно заговорит. Вдруг ведро заговорило по-русски, я схватил маму за руку и закричал, что оно заговорило, потому что я не помолился. Я впервые тогда услышал русскую речь. Мои родители да и никто у нас в горах по-русски не знал. У меня было два брата и сестра, и отец сказал, что мы обязательно должны учить русский язык, чтобы стать грамотными и зарабатывать, в старости содержать родителей. Поэтому отец привез всю семью в город, купил такую же саклю, какая у нас была, и мама, войдя в дом, сделала «чик» выключателем, и загорелось электричество. Я закричал, чтобы она выключила свет, потому что черти поселились в доме. А когда я увидел трамвай, ехавший навстречу нашей арбе, я опять закричал, чтобы мама остановила эту ненормальную штуку. Отец сказал: «Пойдешь в школу. Твои танцы в горах остались. Затанцуешь — убью!» И все же я продолжал танцевать, участвовал в самодеятельности. За это мне дали галоши и пальто. Я умел копировать очень многих актеров и даже Любовь Орлову из фильма «Цирк». Ей рассказали обо мне, что есть такой мальчик, чеченец, десяти лет, который еще плохо говорит по-русски, но замечательно танцует и поет. Она попросила, чтобы меня к ней привели. Когда я вошел к ней и увидел ее, то думал, что умру от радости. Она сказала: «Мальчик, покажи, как ты меня копируешь». Я вскочил на стол и запел:

Хау ду ю ду, хау ду ю ду,

Я из пушки в небо уйду,

Диги, лиги ду,

Я из пушки в небо уйду,

В небо уйду.

Мэри верит в чудеса,

Мэри едет в небеса...

Она так хохотала...

В начале сороковых годов на войне погибли два моих старших брата, и я стал каждый день ходить в военкомат, проситься на фронт, но меня не взяли из-за возраста.

На фронт я попал сам и на передовой исполнял танцы всех народов мира. Дал 360 концертов. Я был гвардейцем 21-й стрелковой дивизии, ранен, но во фронтовики себя не зачисляю. Фронтовик — это тот, кто с оружием в руках защищал

нашу Родину. А я танцевал. Однополчане кричали: «Миша, танцуй!», и я танцевал для них. Ранен я был в ногу. Она стала короче, но потом я сам себя вылечил и опять продолжал танцевать.

Потом я стал солистом Пятигорской оперетты. Все оперетты я уже знал наизусть. Но решил вернуться в Грозный. Полковник пятигорской милиции сказал мне: «Не надо вам ехать в Грозный. Все чеченцы и ингуши сосланы, вас тоже могут выслать, вы гениальный танцор, вы должны танцевать. Оставляйтесь. Там вы за колючей проволокой сидеть будете, а мы вам сделаем другую национальность». Но я уехал, и получилось, как он сказал. Мать моя умерла от голода. Я разыскал отца. Тот снова женился. Моей мачехой стала одесская еврейка. Собственных детей у нее не было, и всю свою любовь она перенесла на меня, старалась получше накормить, одеть. Я очень любил ее и называл мамой. Когда мы жили в ссылке, она мне кричала во дворе, где жило много народу: «Мойша, иди сюда, посмотри какой ты худой, съешь суп до конца и иди гуляй, я тебя не держу». Она мне говорила, наряжая меня: «Сегодня мы идем на еврейскую свадьбу, ты там будешь хорошо кушать, вкусно — и фаршированную рыбу, и цимес». На свадьбе, наевшись много и вкусно, я пел еврейские песни и танцевал еврейские танцы. И все говорили: «Спасибо, хоть одного мальчика евреем воспитали, а то одни русские дети, хоть и у евреев».

Когда моя вторая мама приходила ко мне на спектакли (а я уже стал народным артистом Киргизии, хотя еще ни одного киргиза не было с этим званием) — «Дон-Кихот», «Раймонда», «Лебединое озеро», она говорила: «Мойша, скажи, почему всем носят цветы, а тебе нет?». Я ей отвечал: «Мама, потому что у них у всех родственники есть, а у нас никого нет». Потом она сама стала приносить мне цветы и говорила администратору: «Передай моему сыну», а потом мне рассказывала: «И так — да, никто не понял, что это я принесла». А потом все стали приносить мне цветы. Она улыбалась: «Вот видишь, сами научились, я их не просила».

Когда она сидела в зале, то говорила зрителям: «Почему вы не хлопаете, это же такой талант». Я просил ее: «Мама, не говори в зале, что я талантливый». — «Как будто ты бездарный, — отвечала она, — что они, пришли себе и сидят, и не хлопают». Мне она твердила: «Деточка, ты очень талантливый». Может быть, потому что она мне внушила это, я и стал талантливым. Если бы такие люди, как моя мачеха-мама, были в правительстве, никогда бы не велись войны, и не было бы горя. и люди жили бы счастливо.

Н.Р.: Она была добрым человеком?

М.Э.: Очень добрым и очень хорошим человеком. Когда она умерла, отец женился на цыганке, та учила меня гадать, воровать. Я воровал. На базаре лучшего воришки не было. Я и пел цыгански, и танцевал цыганские танцы, но мамой я новую жену отца уже не звал.

Н.Р.: Какой институт, какую балетную школу вы закончили?

М.Э.: Когда мне задают такой вопрос, я всегда отвечаю: «Балетно-пехотно-сексуально-порнографическое училище». Я ничего не кончал. Я и считать-то толком не умею. Меня выгнали из школы после шестого класса. Моя жена хорошо считает. Все женщины хорошо умеют деньги считать. Она просто видит пачку и называет количество денег.

Н.Р.: Вы снялись во многих фильмах?

М.Э.: У меня около двадцати фильмов, среди которых есть картины, где я играл драматические роли, а не только пел и танцевал. Самые удачные — «В мире танца», «Лебединое озеро». Я снялся в фильмах «Болеро» Равеля, «Жар-птица», где я сыграл Кашея Бессмертного, «Земля Санникова», «Честное волшебное».

Н.Р.: Махмуд, с кем из знаменитых балерин вы танцевали?

М.Э.: С Дудинской, Стручковой. С Улановой я танцевал в Казахстане во всех балетах. Тогда мне было шестнадцать лет. В Большом театре я танцевал «В мире танца», когда вся балетная труппа танцевала за моей спиной. Они были моим кордебалетом. Я получил все, о чем мечтал. Я люблю танцующих людей, ибо язык танца всем понятен. В танце можно объясняться, можно выразить свои чувства.

Н.Р.: Как вы поддерживаете форму?

М.Э.: Секрет один — подальше стоять от стола.

Н.Р.: Вы мало едите?

М.Э.: Я ем только, чтобы не умереть. Я и сейчас есть хочу.

Н.Р.: Спиртное не употребляете?

М.Э.: Очень долго не пил. Впервые в 47 лет попробовал водку и пожалел, что не пил с рождения.

Н.Р.: Понравилось?

М.Э.: Понравилось. Сейчас пью.

Н.Р.: Папаху всегда носите?

М.Э.: Это головной убор, который чеченец никогда не снимает с головы. Если ты приходишь в дом, который уважаешь,

ты не должен снимать папаху. Как царская корона. И паспорт я в папаше ношу.

Н.Р.: Сейчас вы продолжаете танцевать. Вам не трудно?

М.Э.: Если бы было трудно, я бы не танцевал. Сейчас балетмейстер Воскресенская ставит спектакль «Жанна д'Арк». Там у меня одна из главных партий — Иезуита. С балетом Нижнего Новгорода репетирую фильм-балет «Пиковая дама». В этот фильм приглашен Барышников. Я надеюсь, что Миша Барышников не откажется участвовать вместе со мной в одном фильме-балете, потому что я очень нежно относился к нему, когда он был мальчиком. Мы с женой его хорошо принимали и хорошо накрывали стол. Кроме того, что он гениальный танцовщик, он еще и гениальной красоты человек. Я помогал ему стать заслуженным, помогал получить квартиру и был очень рад, когда он остался в Америке. Я счастлив, что он сейчас ни в чем не нуждается. Мы с женой его очень любили. Когда он танцевал, у него было лицо ангела..

Н.Р.: Это его суть?

М.Э.: Да, он и в жизни ангел, ему только крыльев не хватает.

Н.Р.: Махмуд, у вас есть ученики?

М.Э.: У меня много учеников. Сейчас мы открываем школу-фонд Махмуда Эсамбаева, фонд помощи молодым талантам. В этом мне помог мэр Москвы Юрий Лужков, который очень много помогает. За моей спиной стоят люди, имеющие власть. Это московское правительство. Не российское, а именно московское. Лужков пришел мне на помощь сейчас, когда пропал мой дом. Он и предложил мне квартиру в Москве.

Когда мой внук увидел в Грозном сгоревший дом, он заплакал. Я сказал ему: «Не плачь, Магомет, у тебя осталось самое главное: имя твоего деда Махмуда Эсамбаева, который сеял только добро по всему миру».

Интервью вела Надежда РЕПИНА

11.07.00